

Владимир Петров

Иерусалимские заметки

Тюмень отпускала с болезнью. Затяжная, холодная весна делала своё дело. В горле першило, донимал противный насморк, выступал холодный липкий пот. Ну как тут ехать в дорогу? Да ещё какую! Таблетки нужны, таблетки! Так, от простуды — антигриппин. От давления — сердечные. От желудка, поджелудки, печени... Обезболивающие — да! Корсет для посянницы. Воротник Шанца для шеи. И ещё вот эти, ибо диарея — не лучший друг паломника. Йодовый карандаш и немного пластыря. Всё, аптечка собрана и уложена в старую косметичку жены.

Пора ехать в аэропорт. Сажусь в такси. В машине весело болтает какое-то молодёжное радио, и между прочим ведущий говорит: «Старость — это когда косметичка превращается в аптечку!» Ушам своим не верю. Да откуда он узнал?! Ну, всё же поехали!

Москва, Шереметьево. Сiju в кафе у накопителя. Какой-то парень громко разговаривает на английском. Резкий, трескучий его голос внезапно открывает для меня чуждый, непонятный, враждебный мир. Прославил Господа за то, что Он дал мне свой угол, мною часто неоценённый, где я могу молиться.

Наш сектор аэропорта на время превратился в маленький Израиль. Ребе разных возрастов и одеяний, их ребечины с кучей детей и «мирские» евреи. Всё это снуёт, галдит, спит и молится. Независимость полная. Некоторые путешественники расстелили туристические коврики на полу и спят ничтоже сумняшеся. Такое впечатление, что не они у нас, а мы у них. Ну что тут скажешь? Шалом, Израэль!

Наконец-то наше воздушное судно причалило к долгожданной пристани — аэропорту Бен-Гурион в Тель-Авиве. Что нас ждёт? Какое богатство? Какое сокровище? Семь дней на Святой земле! Душа поёт: «Направи мя по словеси Твоему!»

Внезапно на переходе из «рукава» в терминал радость встречи прерывают люди в оранжевых жилетах дорожных рабочих. Однако лопат, дымящегося асфальта и катка рядом не видно. Требуют паспорт, спрашивают, на сколько дней и зачем прибыл в Израиль. Понятно. Служба безопасности. Мой лихой мусульманский вид в греческой скуфейке навёл их на раздумье. Не бойтесь, братья-иудеи! Румын я, румын! А может, и болгарин...

Ну вот и всё. Досмотры, паспортный контроль пройдены. А вот и наш гид — монахиня Горненского монастыря Благоцветущая. Выходим к автобусу. Снова этот горячий, пряный ветер, вечно цветущие бугенвиллеи, земля с красноватым оттенком. Дышу полной грудью и чувствую, как меня в панике покидают бактерии и вирусы холодной тюменской весны.

От недосыпа и усталости от перелёта какая-то окаменелая тупость. Даже мыслишка глупая: «Зачем я снова здесь? Что мне тут надо?» Вышел во двор русской гостиницы в Вифлееме. Сильный прохладный ветер. Небо в облаках, похожих на мелкую водную рябь. Золотисто-огненное. Внизу загораются огоньки поселений. Слышен приглушённый шум улицы. Скоро запоют минареты. Там, вдали, справа от меня, виден Иерусалим, а если обернуться назад, на горизонте виднеются горы Маоав. Это уже Иордания. Снова я здесь. Снова это небо, этот воздух, эта земля, и снова это как сон: сердце не вмещает.

Крестный путь. Идём со стороны Львиных ворот. У каждого паломника крест, большой или маленький, из оливкового дерева. Почти все сосредоточены, тихо читают Иисусову молитву, но одновременно краем глаза следят за товарищами по группе, чтобы не отстать и не потеряться, ведь вокруг движется великая толчея Старого города. По неширокой улице идут одновременно местные жители — арабы, какие-то школяры разных

возрастов, полицейские и армейские патрули израйлтян, сотни паломников и туристов. Сквозь эту густую толпу пробираются мотоциклисты, легкие автомобили, небольшие грузовички. Маленький зелёный трактор с прицепом, деловито урча, медленно ползёт по каким-то своим делам, дополняя всю эту картину. Шум, треск, гам. А дальше? Дальше — сплошной восточный базар с его пестротой и яркостью, зазывалами-торговцами, маленькими попрошайками и ловкими карманниками.

Несколько лет назад, когда впервые проходил этот путь, меня всё ужасно раздражало и возмущало: ну как так?! они не понимают святости момента! Но потом однажды пришла странная мысль: а ведь тогда, две тысячи лет назад, было точно так же. Богочеловек шёл в своём смирении, вставая и падая под тяжестью креста. С Ним рядом была горстка людей, любящих Его, а вокруг бурлила жизнь Иерусалаима. Римские солдаты, толпы ненавистников, случайные прохожие, зеваки, торговцы, ослы, лошади, верблюды, овцы, шум, гам, хохот. Все торопились: приближался Пейсах. Но Тайна Спасения совершалась в Тишине и Милости.

В храме Гроба Господня светло и прохладно. Лёгкий сквозняк. Очередь в Кувуклию. Толпа паломников меня греет и слегка давит. Слева эфиопы или ещё какая-то африканская церковь. Сзади православные арабки поют пасхальные стихиры на своём языке. Справа наш брат русский гудит: «Христос воскрес!» Впереди тоже «дванадесять язык» молятся каждый по-своему. Тянемся все, как дети, к Славе Воскресения Христова и, наверное, все так же вместе пойдём на Суд: ни различий, ни чинов, ни наций.

Стою на Голгофе. Нужно возвращаться и догонять группу, но не хочется. Не хочется прерывать состояние некоего внутреннего покоя и тишины. Вдруг с правой стороны ко мне подходят две молодые женщины. Протягивают клочок бумаги, вернее, в несколько раз сложенную записку, и начинают о чём-то спрашивать, как я понял, на итальянском языке. Очевидно, они приняли меня за греческого монаха. «Я татарин на лицо, да с фамилией хохляцкой», — поется в песне, однако за грека, как оказалось, меня принять можно. Объясняю им, что я русский и ничего не понимаю. Это мало действует. Тогда начинаю спрашивать жестами: «Вам это нужно?» — «Нет». — «Или вот это?» — «Нет». — «А что тогда?» Положение глупое. Раздражаться нельзя, посылать тоже. Во-первых, святое место, во-вторых, иностранки,

ну и в-третьих — женщины. Между тем итальянки продолжают вопрошать, причём с таким видом, будто я намеренно прячу от них какое-то сокровище. И тут внезапно каким-то шестым чувством ясно понимаю, что им нужно. «А-а-а, — говорю восторженно, — пойдёмте покажу!»

Сходим с Голгофы. Иностранки смиренно следуют за мной. Проходим мимо Камня помазания. Выходим ко Гробу Господню. Там, как всегда, благостно, несмотря на приглушённый шум от паломников. С левой стороны Кувуклии царит полумрак. Мерцают свечи. Слабые их огоньки освещают мраморные плиты стены. И в стыках между ними видны точки и тире из разноцветных записок. Розовые, жёлтые, но большей частью белые письма Богу или телеграммы Христу. С каких пор начала работать эта небесная почта, не знаю, но она действенна. «Вот, — говорю, — девочки, ваше прошение нужно положить сюда». Настоячивые паломницы были удивлены и обрадованы. Тревога прошла. И в душу вновь вернулась благодать Божья. Мы обнялись как родственники и попрощались. Уходя, я подумал: «Хорошо, что небесный почтамт был мне известен». Ещё бы, я сам отправлял отсюда три телеграммы: одну свою и две — от знакомых.

Храм Рождества Христова на реставрации. В нём ещё холодно, и этот холод исходит от пола, стен и колонн. Он накопился за зимние месяцы, а исчезнет только тогда, когда на улице воцарится сорокаградусная жара, и всё каменное строение прогреется и будет источать приятную прохладу. А сейчас тепло только в одном месте — в самой пещере Рождества. Паломники, спустившись по ступеням в нижнюю церковь и земно поклонившись месту рождения Спасителя, занимают всё пространство маленького храма. В конце Часов становится душно, и греки включают вентиляцию. Шум от неё значительный. Поначалу он мешает, но уже минут через десять-пятнадцать его перестаёшь замечать.

Служат на трёх языках — греческом, арабском и русском. «Кири, элейсон», «Яраб, ирхан», «Господи, помилуй» сопровождают всё священнодействие. На этот раз, убоявшись духоты, нашёл себе место на выходе из Святой пещеры, у самой верхней ступеньки. Мать Благоцветущая, позаимствовав стул из армянского придела, предложила его мне. Этим была достигнута определённая степень комфорта. Прислонившись к светло-серому, с прожилками, мрамору портика, слушал Божественную литургию. Прикасаясь пальцами к холодным, изящно вырезанным тонким колоннам, думал: «Сколько же побывало здесь паломников? Сколько прошло судеб? Сколько вознеслось

молитв? И я как песчинка в этой вековой толще». Здесь соединились Время и Вечность.

Эти раздумья были прерваны вопросом, вернее, ощущением вопроса, исходившим от человека субтильной наружности и арабской национальности. Он говорил на английском языке какого-то местного бейтлехемского диалекта. Мне было попятно только «хелп ми». «Хелп ми» сопровождалось движением пальцев, означающим «мани». Полез в потайную сумочку-кошелёк и вручил ему «файв долларс», но проситель не унимался и мягко выставил «уан хандред». Я слегка опешил, ибо за «уан хандред» и сам бы мог лепетать «хелп ми». «Нет, — говорю, — браток, вот тебе еще „файв“, итого будет „тен долларс“, и иди себе с миром». Культурный неумиющий не обиделся, аккуратно взял купюру и тихо удалился. Правду говорят, что ни один приличный храм не обходится без нищих и юродивых, особенно на Святой земле. Но уже вынесли чаши со Святыми Дарами. Пора было приобщаться Святых Христовых Таин.

Не знаю, смогла бы преподобная мати Мария Египетская перейти через современный Иордан. Везде километры заграждений из колючей проволоки и надписи на трёх языках: «Осторожно, мины!» Лишь неширокая асфальтированная дорога ведёт к месту Крещения Господа. Автобусы медленно преодолевают это пространство. Тут запах войны и тревоги кружится вместе с природной пылью. Вооружённые патрули с рациями, видеокамеры в зарослях речного тростника всегда напоминают: это государственная граница. Однако разноязычным паломникам привольно: молятся с радостью и плещутся с веселием в струях иорданских. Можно с края купальни как следует потянуться ближе к середине реки и потрогать эту самую границу между Израилем и Иорданией. Можно в пустую бутылку взять на благословение молочно-кремовой, чуть солёной воды священного Иордана. Можно на берегу пособирать камешки. Можно незаметно рукой залезть под колючую проволоку и сорвать веточку невысокого серебристого растения, которым, по преданию, питалась мати Мария. Даже попробовать его на вкус. Бархатистый, слегка солёный, как сам Иордан или слёзы Преподобной. Удивительно всё это.

К вечеру поднялись на Каранталь. Конечно, это не Синай с Джебель-Муса, но всё же. По традиции вышли на смотровую площадку-балкончик. Внизу простиралась величественно-прекрасная панорама библейских мест — долина Иерихона, Иордан, зеркало Мёртвого моря. Горы Моавитские в лёгкой дымке-мареве. Ожившая, доступная святая древность. Вдруг на каменной лавке балкончика замечаю девушку неизвестного рода-племени.

Серенькая курточка, серенькие джинсы, обесцвеченные волосы со стрижкой а-ля пацан. Руки от запястий до локтей покрыты узорами татуировки. Следы тату видны и на лице, захватывая часть шеи и уходя на спину. Показываю ей знаками: «Хочу с тобой сфотографироваться». В ответ — радостное удивление. Включаю старенький «Олимпус», вытягиваю руки как палочку для селфи, делаю фото. Показываю ей: «Посмотри, как здорово!» Она в секунду настраивает свой мобильник и щёлкает затвором. Улыбаемся, довольны друг другом. На какие-то полминуты становимся как родные брат и сестра. Она благодарит на английском, я тоже что-то отвечаю, но надо торопиться. Бегу догонять группу, а сердце мне говорит: «Это новая Мария. Она переходит через свой Иордан».

Четверг, вечер. Канун пятницы. Мулла отпел положенное. Где-то недалеко от гостиницы гремит музыка. Диск-жокей в такт мелодии и барабанному бою речёвками и подпевками подбадривает танцующих. Азартно, весело. Местная молодёжь отдыхает. К полуночи внезапно всё стихает. Вифлеем погружается в сон. Правду говорят, что арабы — они как дети: шумные и порывистые.

Вышли на автобан Тель-Авив — Яффо. Впереди нас ждут храм Апостола Петра, гробница святой праведной Тавифы и церковь Георгия Победоносца. Погода отменная. Царствуют солнце и пряный тёплый ветер со свежими нотками Средиземного моря. «Благорастворение воздушных», да и только. А между тем кругом кипит (а как же иначе?) трудовая жизнь Израиля. Грузовики, легковушки, фургончики, военные джипы и, конечно же, байки с мотороллерами. Спешит, бурлит и дышит полной грудью Эрец Исраэль. Внезапно почти на середине пути загор, пробка. Стоят все пять или шесть рядов автомашин. Впереди мигают проблесковые маячки патрульных автомобилей. Полицейские обоюго пола мечутся по дороге. Неужели бомбу нашли? Ан нет, тротилом тут не пахнет. На обочине за ограждением колышется толпа религиозных парней в широкополых шляпах. Орут, прыгают и потрясывают разноцветными плакатами с крупными надписями на иврите. Вдруг одна группка богомольной молодёжи прорывается на проезжую часть, становится на колени, перегоротив дорогу, и выражает полную готовность быть раздавленной автотранспортом. Но не тут-то было, стражи порядка не дремлют. Кого пинками, а кого за руки, за ноги удаляют восвояси. Путь свободен. Смущённые и ошарашенные, спрашиваем у водителя:

«Чего хотят эти парни? За что борются?» Он не отвечает, очевидно, читает плакатные надписи. Потом говорит спокойно: «В армии служить не хотят. Протестуют против военной службы». — «Как же так?!» — взвырало от возмущения наше русское сердце. Сулило оно отщепенцам тюрьму и каторгу.

Одновременно нахлынули воспоминания. Заполярье. Первый патруль по «точке» в минус пятьдесят четыре градуса, когда в конце дежурства вместе с маской от холода снял кожу с подбородка. Или купание роты в местной речке Оленёк. Сверху жара под тридцать, а на дне, под тонким слоем песка, вечная мерзлота. Или спонтанный способ обогрева в кузове ГАЗ-66 с тентом при минус двадцати пяти градусах. Когда понял, что замерзаю, предался безудержному мату и им грелся почти час, пока не прибыли в расположение части. Или бессмертная фраза старшины: «Ваша задача не боевое дежурство, а выжить в тяжёлых условиях Заполярья!» И много, много ещё другого, что способствует переходу от мальчика к мужчине. И подумалось вдруг: а что если взять всех этих ревнителёв иудейского благочестия и собрать в отдельные религиозные батальоны? Призвать к ним лучших отцов-командиров и раввинов. Пусть десять часов в неделю изучают Танах, поют молитвы, укрывшись талитом, а остальное время — «ать-два, ать-два, горе не беда, шла в поход пехота, брала города», и, как говаривал Иван Кузьмич Миронов, «да будет солдатом, а не шаматоном». От этого никому не станет обидно, и любимый Эрец Исраэль сможет спать спокойно.

Впрочем, я не еврей и советовать евреям не намерен. А через сорок минут нас уже встретил святой воин Георгий Победоносец. Пластинчатый доспех, кованный щит, короткое копье. Он был молот, благороден и умён. Таким и остался навеки.

Проезжаем блокпост. Девчонка в военной форме. Почти полный боекомплект. Под кепи наскоро собранные резинкой каштановые волосы. Бронезилет закрывает грудь, живот, спину и поясницу. Винтовка М-16 почти в половину её роста. На правом бедре пристёгнута кобура с солидным пистолетом, на поясе баллончик с газом, наручники и ещё что-то небезобидное. Досматривает автомобили с напарником — рослым пацаном в кипе. Останавливает их плавным движением руки, как будто тормозит такси. Ноготки пальчиков украшены маникюром: лёгкий перламутр с полоской серебра по краю. За смену эти пальчики проверят, наверное, больше сотни багажников, столько же паспортов, и, может быть, потускнеет перламутр, сотрётся серебро, но под

бронезилетом не перестанет биться сердце женщины, готовое дать жизнь и готовое отдать жизнь.

Вечер. Горненский монастырь. Сажу на лавочке возле Казанской церкви. Группа ушла на всю ночь в собор Всех Русских Святых. Через динамики доносятся отзвуки песнопений. Надо собраться, встать и идти на службу, но нет сил. Над головой едва шумят кронами кипарисы. Солнце не печёт, как днём, а нежно согревает своими лучами. Теплота, покой и благолепие. Наверное, деревенский кот на завалинке так же млеет и щурится от удовольствия, как я сейчас. Не ровён час, замурлыкаю. Однако совесть не дремлет: «Хоть бы правило почитал! Чего сидеть праздно?» Да, это точно — ночью литургия на Голгофе. Да где бы его взять, это правило? Молитвослов на тумбочке в гостинице. Лавка, церковная лавка! Надо идти туда. Купить какой-нибудь недорогой. Пошёл. Осматриваю книжные полки — нет, дешёвых нет. Так, ещё раз проверить. Вдруг вижу в уголке, на нижнем стеллаже, молитвослов. Маленький, красочный, недорогой — долларов за восемь. беру в руки. В нём бумажная закладка. Открываю: «Правило ко Святому Причащению». Глазам своим не верю! Трепет и ужас! Оказывается, здесь все уже знают — кому, когда и что нужно. С тех пор прошёл почти год, а закладка осталась на том же месте. Как-то неудобно лезть своей рукой в Таинственное.

Вечер, ветер, звёзды, полная луна. Внизу загораются огни Вифлеема — жёлтые, белые, зеленоватые, изредка красные. Справа — Иерусалим. Сзади, вдали, за контуром Иродиона, мерцает Иордания. Как же ты мала географически и как же велика духовно, Святая земля! Уже завтра я буду смотреть на другое небо, ходить по другой земле, а сегодня я ещё могу видеть тебя, дышать твоим воздухом, слышать твой голос. И на сердце только одно прошение: не покидай меня, пребудь со мной!

Ну вот и всё. Расставание просто. Смотрю на тебя, Святая земля, через иллюминатор. Всё та же жара, тот же красноватый цвет грунта, тёмная зелень растений. Тело самолёта дрожит от нетерпения. Ещё минута — и понесут его двигатели по взлётной полосе. Лёгкий толчок — и тугой, раскалённый воздух примет на себя серебристо-светло-серую птицу. С лёгким разворотом пойдёт она в сторону Средиземного моря. Под крылом блеснёт стёклами домов Тель-Авив, блеснёт и исчезнет. А дальше? А дальше бирюзово-голубая

гладь моря сольётся с такой же безоблачной гладью неба. Как зачарованный буду смотреть я на всё это и на время забуду тебя...

«С вами говорит командир корабля. Через несколько минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту Рощино города Тюмени. Погода в Тюмени хорошая, плюс один градус тепла».

Нечто о православном фетишизме

Я подобрал их в Хевроне, за храмом Праотцев и Святой Троицы. Один с дороги, а другие два, недолго поискав, с обочины. Они были как три родных брата. Величиной с небольшой кулак и весом около трёхсот граммов. Припорошённые белой пылью, сияли восхитительным нежно-кремовым светом. Их твёрдость и шероховатость

уютно ложились в ладонь. Нагретые солнцем, они долго хранили тепло. Заботливо завёрнутые во влажные салфетки, они прошли через две границы на дне старого дорожного чемодана и, наконец, пришли сюда как Память, как Награда, как Любовь. В скором времени тот, что с дороги, ушёл к другу. А ещё через семь месяцев ушёл его брат, взятый с обочины, — к девочке, поражённой тяжёлым недугом. И только вот этот остался пока здесь. Из светло-кремового он превратился в красно-коричневый. Тепло рук, слёзы скорбей и молитвы сделали его таким. Но он по-прежнему помнит Трёх Путников у шатра, праотца Авраама, праматерь Сарру под молодым зелёным дубом в роще Мамвре, помнит и молчит, этот камень из Хеврона.